

начать съ отдаленныхъ до-христіанскихъ временъ, не можетъ искать въ современной извѣстной намъ народной поэзіи тѣхъ началъ и остатковъ, которые сохранились въ ней отъ языческаго и славянскаго, до-христіанскаго и до-польскаго, быта польскаго народа. Говорить о литературѣ безъ какого нибудь матеріальнаго видимаго предмета, безъ какого нибудь произведенія, даже отрывка или слѣда такого произведенія вещь невозможная, это то же, если кто безъ извѣстныхъ фактовъ, даже безъ преданій и легендъ захотѣлъ бы отгадывать теченіе какой нибудь исторіи, которая быть можетъ и была, но исчезла безъ всякаго слѣда и воспоминанія. Преданіе о воинствѣ, распѣвающимъ Богородицу, есть указаніе, пожалуй даже доказательство нѣкотораго историческаго, политическаго и культурнаго состоянія народа. Но это свидѣтельство не указываетъ и еще менѣе доказываетъ существованіе зародыша письменной литературы. Не доказываетъ этого и хронистъ, — одинокое исключеніе, да еще чужеземнаго происхожденія, — который описываетъ походы и побѣды излюбленнаго имъ князя. Даже значительно позже, когда возьмется писать хронику природный полякъ-Кадлубекъ, то и онъ докажетъ только то, что цивилизація, необходимость писать исторію, сдѣлала за это время прогрессъ, что она проникла даже въ среду именитыхъ гражданъ, но онъ не будетъ показателемъ начинающейся литературы, онъ будетъ одинокимъ исключеніемъ, безъ товарищей и послѣдователей — безъ послѣдовательности, какимъ то началомъ безъ продолженія. Онъ имѣетъ значеніе для исторіи, но не для исторіи литературы, такъ какъ нѣтъ исторіи литературы и самой литературы безъ непрерывной послѣдовательности писателей. Это только признаки того, что литература можетъ здѣсь явиться, но это еще не литература — даже не ея начало.

Проходятъ вѣка, много вѣковъ, отъ крещенія Мечислава до крещенія Ягайлы, и еще очень долгое время мы не вправѣ говорить о польской литературѣ. Литература есть только тогда, когда или въ устномъ преданіи удерживаются повсемѣстно и очень долго какія нибудь произведенія на народномъ языкѣ (какъ нѣмецкія саги) или когда какой нибудь народъ начинаетъ писать на родномъ языкѣ и то не одинъ разъ, не одно лицо, не случайно, но постоянно изъ необходимости писать, сознанный у многихъ людей; не объ одномъ какомъ нибудь предметѣ, но о широкомъ и все болѣе расширяющемся кругѣ предметовъ, какіе обнимаетъ или мысль человѣческая, или наука, или жизнь частная и общественная. Отсюда ясно, что въ Польшѣ литература, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, начинается